

18+

Искандер Арысов

Асимптота ИСТИНЫ

Проект «Сингулярность
Арысова»

Искандер Арысов

**Асимптота истины. Проект
«Сингулярность Арысова»**

«Издательские решения»

Арысов И.

Асимптота истины. Проект «Сингулярность Арысова» /
И. Арысов — «Издательские решения»,

Роман «Асимптота истины» — философская драма о гении, выбравшем исчезновение. Холодов, опередивший мировую мысль на десятилетия, всю жизнь скрывался. Его «принцип ненаблюдаемого философа» утверждает: истина доступна лишь ценою самоуничтожения. Но чем ближе он к асимптоте абсолютной пустоты, тем яснее понимает — быть невидимым не значит быть никем. Последнее «спасибо», сказанное санитарке, оказывается важнее всех теорий. История о том, ради чего стоит исчезать — и ради чего стоит оставаться.

Содержание

Глава первая. Принцип ненаблюдаемого философа	6
Глава вторая. Невидимый колледж	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Асимптота истины Проект «Сингулярность Арысова»

Искандер Арысов

© Искандер Арысов, 2026

ISBN 978-5-0070-7299-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Принцип ненаблюдаемого философа

Москва, осень 2029 года. Всероссийский институт философского наследия, закрытое хранилище

Архивная пыль имеет свойство накапливаться не только на полках, но и в легких. Алексей Валерьевич Горин вытер пот со лба тыльной стороной ладони и снова склонился над картонной коробкой. Сорок седьмая за сегодняшний день. Сорок седьмая коробка с документами человека, который всю жизнь делал всё, чтобы его документов не существовало.

— Вы уверены, что это имеет смысл? — спросила младший научный сотрудник Анна Сергеевна, поправляя очки. Ей было двадцать семь, и она всё еще верила, что в российской академической науке есть смысл. — Мы уже две недели разбираем его черновики. Ни одной законченной работы. Ни одной опубликованной при жизни статьи. Одни фрагменты.

Горин не ответил. Он держал в руках пожелтевший лист бумаги формата А4, исписанный мелким, почти микроскопическим почерком. Буквы складывались в слова, слова — в предложения, которые он не мог прочитать. Не потому, что почерк был неразборчив — Горин за годы работы в архивах разбирал и не такое. Он не мог прочитать их потому, что каждое третье слово было зачеркнуто. Не просто перечеркнуто — залито чернилами, стерто, уничтожено с такой яростью, словно автор боялся, что эти слова могут сбежать с бумаги и начать жить собственной жизнью.

«Именование и пустота» — значилось в верхнем левом углу. Дальше шло: «Всякая попытка обозначить объект...» — и текст обрывался, перечеркнутый крест-накрест.

— Покажите-ка, — Анна перегнулась через стол. — Опять зачеркнуто?

— Опять.

— Странно. Я уже вторую неделю смотрю на это и не перестаю удивляться. Человек, которого считали самым влиятельным русским философом второй половины двадцатого века. Которого цитировали в Гарварде, Сорбонне, Токийском университете. Который заочно спорил с Витгенштейном, Куайном, Серлом — и эти споры перевернули философию языка. И при этом — ни одной книги. Ни одной статьи. Ни одной лекции, записанной на пленку. Только... — она обвела рукой комнату, — только это.

— Это не «только». — Горин осторожно положил лист на место. — Это самый большой неопубликованный архив в истории русской мысли. Три тысячи двести коробок. Семнадцать тонн бумаги. Черновики, наброски, письма самому себе, математические выкладки, логические схемы. Он писал каждый день. Сорок лет. И не опубликовал ничего.

— Почему?

Горин пожал плечами. Вопрос «почему» в применении к Андрею Николаевичу Холодову был таким же бессмысленным, как вопрос «почему» в применении к черной дыре. Ты можешь описывать ее свойства, измерять гравитационное воздействие на окружающие объекты, фиксировать искажения пространства-времени. Но спросить дыру, зачем она поглощает свет — это значит просто не понимать, с чем имеешь дело.

Однако Анна была молода, и Горин помнил себя в ее возрасте — таким же одержимым желанием найти в Холодове человека. Разгадать личность за текстами. Увидеть лицо под маской.

Он достал из кармана флешку и вставил ее в старый, еще допотопный компьютер, стоявший в углу хранилища. С ними была договоренность: он работает с бумагами, но кое-что переведено в цифру. Администрация института закрывала глаза на этот странный гибридный режим — отчасти потому, что Горин был единственным исследователем, кому Холодов доверял при жизни, отчасти потому, что никто, кроме Горина, не хотел связываться с этим архивом.

— Садитесь, — сказал он. — Покажу вам кое-что.

На экране загрузилось черно-белое фото. Плохое качество, зернистость, будто снято на пленку с истекшим сроком годности. На снимке был мужчина. Скорее, тень мужчины. Спина к камере, в длинном плаще, на фоне готических шпилей. Где это могло быть? Прага? Вильнюс? Старый Тарту? Невозможно определить.

— Это единственное фото, где он есть, — сказал Горин. — И то его сняли случайно. Коллега из Пражского университета шелкнул, когда Холодов выходил из аудитории после полуторачасового молчания.

— Полуторачасового молчания? — переспросила Анна.

— Он так иногда читал лекции. Приходил в аудиторию, садился на стул у доски, смотрел в окно. Мог молчать час, два, три. Студенты сидели, боялись дышать. Потом он вставал и уходил. Но те, кто был на этих лекциях, говорили, что это были лучшие лекции в их жизни. Потому что он... — Горин запнулся, подбирая слова. — Потому что его молчание было говорящим. Оно было структурой, в которой студенты начинали сами приходить к тем выводам, которые Холодов считал важными. Он не учил их мыслить. Он создавал пустоту, в которой мышление становилось неизбежным.

— Звучит как мистика.

— Звучит как описание работы гения, который полностью отказался от риторики, от убеждения, от насилия над чужим сознанием. Холодов считал, что любое прямое высказывание искажает истину. Что настоящая философия — это не набор утверждений, а методология исчезновения утверждений. Его любимая фраза из поздних записей: «Философ должен быть подобен катализатору — участвовать в реакции, но не присутствовать в продукте».

Анна смотрела на размытую фигуру на экране. Человек, которого не было. Фантом. Мыслительный эксперимент самого себя.

— Расскажите, — попросила она. — Расскажите всё. С самого начала.

Горин вздохнул, откинулся на стуле. За окном хранилища смеркалось. Москва-река внизу казалась черной лентой, разрезающей город на две неравные части. Где-то там, за Садовым кольцом, в районе Чистых прудов, в коммунальной квартире на пятом этаже без лифта, началась история, которая через полвека заставила академические круги от Оксфорда до Киото спорить о том, существовал ли вообще Андрей Николаевич Холодов.

— Начинать, — медленно проговорил Горин, — нужно с того, что он родился 13 марта 1941 года. За девять месяцев до того, как немецкие дивизии подошли к Москве. Его мать, Зоя Петровна, работала корректором в издательстве Академии наук. Отец, Николай Сергеевич Холодов, был инженером-электриком, человеком из поколения советских интеллигентов, которые верили в прогресс, электрификацию и победу разума над хаосом.

— Типичная советская семья?

— Типичная до крайности. Квартира на Чистопрудном бульваре, которую делили с тремя другими семьями. Общая кухня, общий туалет, общее радио, которое по утрам играло гимн. Андрей был поздним, очень поздним ребенком — матери уже исполнилось сорок, когда он родился. Она боготворила его, отец — требовал. Требовал успехов, побед, доказательств того, что его сын — лучший. Это сочетание обожания и жесткого требования результата создало то, что психологи назвали бы «нарциссической травмой», а Холодов потом в своих черновиках называл «онтологическим разрывом между ожиданием и существованием».

— Рано проявил способности?

— Сказочно рано. В три года научился читать сам — просто глядя, как мать правит корректуру. В четыре решал задачи по арифметике, которые давали в подготовительном классе. В пять начал писать стихи — не детские, а с рифмами и размерами, осмысленные. Соседи по коммуналке прозвали его «профессором». Дразнили, конечно, но больше с восхищением.

Но настоящий шок случился, когда Холодову было шесть лет. Лето 1947 года. Его отец, как и многие советские инженеры того времени, увлекался идеей создания вечного двигателя

— разумеется, не всерьез, а как интеллектуальной головоломкой. И вот однажды за ужином Николай Сергеевич, под хмельком, начал объяснять шестилетнему сыну, почему вечный двигатель невозможен. Второе начало термодинамики, энтропия, диссипация энергии. Андрей слушал молча, потом попросил бумагу и карандаш. И за полчаса написал опровержение, которое заставило отца побледнеть. Не потому, что мальчик «отменил» второе начало — нет, он в шесть лет не мог его отменить. Он сделал другое. Он показал, что само понятие «вечного двигателя», которым оперировал отец, логически противоречиво в формулировке. Что отец задал вопрос, который не имел смысла с самого начала.

— В шесть лет?

— В шесть лет. Отец показал эти записи знакомому физiku из ФИАНа. Тот долго смеялся, потом перестал смеяться, потом позвонил кому-то еще. Через месяц в квартиру на Чистопрудном набились люди — математики, физики, философы из МГУ. Они задавали мальчику вопросы. Он отвечал. Потом они задавали более сложные вопросы. Он отвечал и на них. Потом кто-то сказал: «Мы должны его показать Колмогорову».

Андрей Колмогоров — величайший математик XX века, создатель современной теории вероятностей — пришел в тот же вечер. Он не стал задавать мальчику вопросов. Он просто сел напротив и смотрел на него. Молча. Минуту, две, пять. Андрей смотрел в ответ. Потом Колмогоров сказал: «Мальчик, вы знаете, что такое бесконечность?» Андрей ответил: «Это то, что не кончается. Но это неправильный ответ, потому что в математике есть много разных бесконечностей, и ни одна из них не является просто „тем, что не кончается“».

Колмогоров, по воспоминаниям очевидцев, улыбнулся впервые за много лет.

— И что было дальше?

— Дальше была череда событий, типичных для советской истории одаренных детей. Андрея взяли под крыло. Ему дали доступ к библиотекам, учебникам, специалистам. Отец, гордый и напуганный, требовал всё новых побед. Мать, наоборот, пыталась оградить ребенка от давления, от «взрослого мира, который сожрет его талант». Конфликт родителей стал для маленького Холодова первой моделью мира — моделью, в которой любые две истины противоречат друг другу, но обе при этом остаются истинными.

Однако главное случилось не тогда. Главное случилось в 1951 году, когда Андрею было десять лет.

Горин замолчал, глядя в окно. Анна ждала.

— Что случилось в 1951-м?

— Он открыл нечто, что в своих поздних тетрадях называл «Принципом ненаблюдаемого философа». Тогда, в десять лет, он сформулировал это иначе. Он написал в дневнике — дневник сохранился, это одна из первых коробок: *«Я заметил, что когда я говорю что-то правильное, люди слушают меня. Но когда я молчу и просто даю им возможность прийти к тому же правильному выводу самим — они запоминают это навсегда. Мой голос исчезает, а истина остается. Наверное, так и нужно работать. Стать невидимым. Чтобы твои мысли жили, а тебя не было»*.

— В десять лет?

— В десять лет. И он начал следовать этому принципу сразу. Перестал отвечать на уроках, даже когда знал ответ. Перестал показывать свои решения учителям. Продолжал писать, вычислять, придумывать — но прятал всё в тетради, которые запирали в ящике письменного стола. Ключ носил на шее.

К пятнадцати годам у него накопилось двадцать три толстых тетради. В них были оригинальные работы по математической логике, которые опережали советскую академическую науку на десятилетия. Были философские эссе, в которых десятиклассник переосмысливал Канта и Гегеля. Были заметки по физике, лингвистике, теории информации. Он никому не показывал эти тетради. Даже родителям.

— Сумасшествие, — тихо сказала Анна. — Гениальность и сумасшествие.

— Возможно. Но обратите внимание на рациональность этого «сумасшествия». Холодов интуитивно понял то, к чему западная философия науки пришла только через двадцать лет — что в мире, где информация становится валютой, публичность обесценивает мысль. Что настоящая инновация не должна быть объявлена — она должна быть внедрена так, чтобы никто не заметил ее источника. Он понял принцип, который позже назовут «парадоксом наблюдателя в интеллектуальной экосистеме»: чем громче ты заявляешь о своем открытии, тем меньше оно меняет мир, потому что мир тратит энергию не на осмысление открытия, а на осмысление тебя.

— Он предвосхитил эпоху пост-истины?

— Он предвосхитил нечто более страшное. Он предвосхитил эпоху, в которой философ — последний человек, способный сказать «я мыслю, следовательно, существую» — должен будет заплатить за это существование исчезновением своей личности. Что мысль и личность находятся в обратной пропорции. Чем больше ты присутствуешь как личность, тем меньше твои мысли могут быть чистыми. И наоборот.

Горин выключил компьютер. Экран погас, и размытая фигура Холодова исчезла в черноте.

— Знаете, какая главная трагедия этого человека? — спросил он, не оборачиваясь.

— Какая?

— Он оказался прав. Абсолютно, математически прав. Он исчез настолько полно, что сегодня, через семь лет после его смерти, уже есть статьи, ставящие под сомнение само его существование. «Был ли Андрей Холодов реальной исторической фигурой?» — такой вопрос задают серьезные философские журналы. Некоторые исследователи считают, что «Холодов» — это коллективный псевдоним группы московских интеллектуалов-диссидентов. Другие — что это был вымысел, искусственный интеллектуальный бренд, созданный КГБ для дезориентации западных философов. Третьи — что «тексты Холодова» на самом деле принадлежат более поздним авторам, которые приписали свои работы мифической фигуре, чтобы избежать цензуры.

— Но вы-то знаете правду. Вы видели его. Вы с ним говорили.

Горин медленно повернулся. В его глазах было что-то, от чего Анне захотелось отвести взгляд, но она не смогла.

— Я видел его трижды в жизни, — сказал Горин. — Каждый раз он отказывался говорить со мной. Не потому, что был груб — он был вежлив до боли. Он просто... не разговаривал. Я задавал вопросы, он молчал. Я спрашивал совета, он смотрел в сторону. Последний раз — за год до его смерти — я пришел к нему домой в подмосковный пансионат, где он доживал свои дни в полном одиночестве. Я принес свои статьи, свои интерпретации его работ. Я попросил его подтвердить или опровергнуть хотя бы одно мое предположение.

— И что он ответил?

— Он улыбнулся. Взял ручку. На полях моей статьи написал одно слово. — Горин достал из кармана потертый блокнот, открыл определенную страницу. — Вот.

Анна прочитала. Потом перечитала. Слово было написано по-русски, старым, чуть дрожащим почерком:

«Тихо».

— И всё?

— И всё. В этом слове — весь Холодов. Не подтверждение. Не опровержение. Не совет продолжать или прекратить. Просто — «тихо». Истина не в том, что я написал. Истина в том шорохе, который возникает между моими словами и его молчанием.

Они сидели в тишине хранилища. Сорок седьмая коробка стояла открытой, ее содержимое ждало. Семнадцать тонн бумаги. Три тысячи двести свидетельств существования человека, которого, возможно, никогда не было.

— Знаете, что самое страшное? — наконец спросил Горин.

— Что?

— Иногда, особенно по ночам, когда я разбираю его архивы, я начинаю сомневаться. А был ли он? Может быть, эти тексты действительно написались сами собой? Может быть, философия Холодова — это автокаталитическая реакция, которая запустилась в русском интеллектуальном пространстве без всякого автора? Может быть, он добился того, чего хотел — полного исчезновения? Настолько полного, что даже вопрос о его существовании перестал иметь смысл?

Анна хотела что-то сказать, но передумала. Вместо этого она взяла со стола пожелтевший лист — тот самый, с которого Горин начинал. «Именование и пустота». Зачеркнутые слова. Вычеркнутые предложения. Мысль, которая отказывалась становиться текстом.

Под ней, совсем мелко, почти невидимо, было дописано еще что-то. Анна поднесла лист к лампе, сощурилась.

Там было написано: *«Мир не нуждается в новых истинах. Мир нуждается в исчезновении старых заблуждений. Философ — это человек, который знает, что его работа закончена, когда про него забывают окончательно. Я почти на месте».*

За окном погасли последние огни. Москва погружалась в осеннюю тьму, и в этой тьме, между линией крыш и горизонтом, где-то там, где Чистые пруды встречаются с бульварным кольцом, в квартире, которой уже не существовало, продолжал молчать человек, сумевший превратить свое молчание в самый громкий голос двадцатого века.

Глава вторая. Невидимый колледж

Москва, 1968 год. Семинар по логике в МГУ имени Ломоносова

Он вошел в аудиторию ровно за минуту до начала. Никто не заметил этого входа — и в этом, как во всем, что касалось Андрея Николаевича Холодова, заключался главный парадокс его существования. Он вошел, но его приход не был зафиксирован ничьим сознанием. Студенты переговаривались, профессор Лосев раскладывал бумаги, окна были открыты, и сквозняк шевелил занавески. Холодов просто возник на третьем ряду, у стены, будто материализовался из тех квантовых флуктуаций, о которых любили рассуждать физики-теоретики. Серый пиджак, невзрачные брюки, никаких очков, никакой бородки — лицо, которое через секунду после того, как вы отводите взгляд, невозможно вспомнить. Самый ценный талант для человека, решившего стать призраком.

Лосев — профессор кафедры логики, седой, грузный, с лицом, изъеденным временем и ведомственными интригами, — начал без предисловий:

— Сегодня мы разбираем анонимную работу, распространяющуюся среди студентов уже второй месяц. Автор неизвестен. КГБ интересовалось. Академия наук проявляет нервозность. Я бы сказал, что это лучшая рекомендация для философского текста за последние двадцать лет.

В аудитории засмеялись. Смех был нервным — время стояло глухое, брежневское, с его охотой на инакомыслящих и «укреплением связей с реальностью». Холодов не засмеялся. Он сидел неподвижно, положив руки на колени, и его дыхание было таким поверхностным, что сидящий рядом студент принял его за спящего.

Лосев выудил из портфеля несколько отпечатанных на машинке листов. Синяя копия оставила разводы по краям. Документ выглядел так, будто его передавали из рук в руки в подземных переходах и курилках научно-исследовательских институтов — что, впрочем, соответствовало действительности.

— Работа называется «Онтология отсутствия», — объявил Лосев. — Параграф первый: «Принцип ненаблюдаемого бытия».

Холодов чуть приподнял голову. В этом жесте не было ничего выдающегося — не больше, чем в том, как ветер меняет направление над степью. Но тот, кто умел читать микродвижения, мог бы заметить, что впервые за многие годы Андрей Николаевич испытывал неловкость. Стыд. Почти физическое унижение. Потому что эти листы, эти синие разводы по краям, эта машинописная строчка «Онтология отсутствия» — всё это было его. Текстом, который он никогда не хотел показывать. Текстом, который украл у него студент, тайком переписавший черновик в общежитии на Воробьевых горах. Текст распространялся со скоростью лесного пожара, и в этом пожаре Холодов узнавал свой почерк, свои мысли, свою самую сокровенную ошибку.

Он нарушил собственное правило. Он записал мысль, вместо того чтобы просто дать ей возможность прорасти в чужом сознании. Он зафиксировал истину, превратив ее в текст, и теперь эта истина была обречена — на цитирование, на искажение, на превращение в идеологический штамп. Это был момент его первого и, возможно, единственного грехопадения как философа.

Но никто в этой аудитории не знал, что автор — в третьем ряду у стены.

— *«Всякая сущность, — читал Лосев нараспев, — которая может быть описана, перестает быть сущностью и становится объектом. Подлинная реальность неопишима. Описание убивает реальность, как фотон убивает интерференционную картину в опыте Юнга».*

— Товарищ профессор, — поднял руку бойкий студент в клетчатой рубашке, — это же идеализм чистой воды. Напоминает Беркли, который утверждал, что материя не существует, а

существует только восприятие. Автор этой анонимки уходит от диалектического материализма в субъективный идеализм, а то и в солипсизм.

Лосев хмыкнул, почесал подбородок.

— А вот тут интересно, Володя. Дальше автор прямо пишет: *«Солипсизм — это последнее убежище того, кто не понял, что отсутствие наблюдателя не делает мир менее реальным, а делает его менее определённым. Солипсист ошибается, полагая, что мир есть его представление. Правильный вывод таков: мир есть то, что остается, когда убирают все представления. Пустота не субъективна. Она объективна и первична»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.